

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 11 (391)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Tél. Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

12 Июня 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Волки в овчарне.

П. Гарви. «Демократическое обновление».

И. Греков. Сталинизация армии.

С. Шварц. Кризис охраны труда.

В. Александрова. Дела литературные.

Заграницей: РСИ и Испания. — Выборы в Голландии. — На-

сильственный увоз в Германию данцигского социалдемократа. — Изгнание т. Моргари из СССР. — К аресту тт. Ежова и Захаровой. — В защиту политических заключенных Советского Союза. — Арест агента Гестапо.

По России: Что происходит в Советской России?

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Фельетон: А. Цилига. По советским изоляторам.

ВОЛКИ В ОВЧАРНЕ

Смертоносное дыхание войны еще раз пронеслось над Европой. Мир висел на волоске в те дни, когда бомбы республиканского аэроплана Испании попали в германский крейсер «Дейчланд» и когда «честь» варваров германского фашизма восстанавливалась разрушением беззащитного города и убийством сотен женщин и детей.

Теперь мир, если еще не «спасен», то находится на пути к «спасению». Не будем спрашивать, какую цену окуплено это спасение: никакая цена не была бы слишком дорога, если бы ею могло быть куплено избавление человечества от кошмарных ужасов войны. Но спросить приходится, точно-ли «спасается» мир теми ходами и контр-ходами, которыми международная дипломатия ответила на кровавое жертвоприношение Гитлера фашистскому Ватану, заставившее своим чудовищным варварством застыть в негодовании и возмущении десятки миллионов сердец на всем земном шаре? При самом большом оптимизме трудно ответить утвердительно на этот вопрос.

Гитлеровский флот, взявший на себя, по соглашению с другими державами, обязательство охранять республиканскую Испанию от иностранной «интервенции», сам «интервенировал» разбойным нападением на нее. Право-ли правительство испанской республики, утверждающее, что его аэропланы лишь отвечали на выстрелы германского крейсера, или же тут и впрямь произошла одна из тех роковых «ошибок», которые неизбе-

ны, когда в районе военных действий оказываются «посотронные» боевые единицы, — «репрессалии» Гитлера были совершенно очевидным и неоспоримым преступлением не только против норм международного права вообще, но и, в частности и в особенности, против тех норм его, в силу которых его суда, как органы международного контроля, находились в испанских водах и несли порученные им международные функции. У берегов Испании гитлеровский крейсер был «контрольным» орудием Лондонского комитета по невмешательству и санкционировавшей этот комитет Лиги Наций. Перед ними в первую очередь он должен был отвечать за преступное злоупотребление порученными ему функциями.

Но вместо того, чтобы сесть в качестве обвиняемого на скамью международного ареопага, Гитлер, совместно со своим подручным Муссолини, сам встал в позу обвинителя, устранившись, в знак «протеста», от участия в Лондонском комитете — впредь до получения «репарации» за «оскорбление», причиненное его «флагу»! А Лига Наций, в ответ на эту наглость, не нашла ничего лучшего, как принять одну из тех двусмысленных резолюций, которыми в свое время была так хорошо вымощена дорога для военной экспедиции Муссолини в Абиссинию и которые расчистили путь для военного нападения итало-германского фашизма на республиканскую Испанию! А Лондонский комитет, под да-

влением и руководством консервативного правительства Англии, сосредоточился единственно и исключительно на изыскании способов дать итало-германским преступникам против международного мира такое «удовлетворение», при котором они согласились бы милостиво вернуться к совместной работе по организации — «невмешательства в испанскую гражданскую войну»!

Можно было бы посмеяться над этой жалкой комедией, если бы за нею не скрывалась страшная трагедия и испанского народа, и европейского мира. Ибо не мир укрепляется, а война подготавливается упорным — и для консервативного правительства Англии, как и для буржуазной реакции всех стран без исключения, преднамеренным! — закрыванием глаз на существо той политики, которая проводится под благозвучным названием «невмешательства». Невмешательство, и притом в форме отказа республиканскому правительству Испании в его законнейшем праве на самоснабжение оружием, проводится на деле лишь по отношению к испанским трудящимся массам, обороняющимся от разбойного нападения мятежных генералов и их итало-германских фашистских подстрекателей и пособников. Наоборот, по отношению к мятежникам проводится самая недвусмысленная политика вмешательства в их пользу, политика укрывательства флагом «невмешательства» той помощи, которую оказывают им Гитлер и Муссолини — не только посылкой вооружения и организованных боевых частей, но и шпионско-разведывательной службой, но и прямыми военными нападениями, один из образцов которых дала так недавно Герника, другой только что — Алмерия. Гитлер и Муссолини на страже «невмешательства в испанскую гражданскую войну»! Волки в овчарне!

А между тем этим волкам не только поручили «контроль», но и поймав их на свойственном им волчьем исполнении этих функций, ведут с ними теперь переговоры о «безопасности» — не испанской республики от их разбойного нападения, а, наоборот, их разбойного нападения от самозащиты испанских республиканцев! Та буря возмущения, которая охватила трудящиеся массы всех стран, в том числе и Англии, при вести об алмерийском преступлении Гитлера, не дает (прибавим из осторожности: пока!) возможности английскому консервативному правительству согласиться на ту автоматическую солидарность «контролирующих» флотов в деле «самозащиты» и «репрессалий», которой требуют Гитлер и Муссолини и которая сводилась бы к обязательству британского и французского флота безоговорочно бомбардировать тот испанский республиканский порт, который фашисты захотят избрать очередной мишенью для обстрела. Но им уже санкционируют право на «самозащиту», т. е. на обстрел, уничтожение и потопление любого испанского республиканского судна, любого республиканского аэроплана, которые попадут в район действия их артиллерии и их мин и которые им ничего не будет стоить объявить угрожающими их «безопасности». Им уже обещают «совещания» адмиралов всех контролирующих флотов каждый раз, как, оградив свою «безопасность» собственными разбойными методами, они еще пожелают получить дополнительные «репарации». И в высшей степени мало шансов на принятие имеет проект французского правительства, пытающийся хотя бы смягчить опасные последствия готовящегося нового соглашения с волками в овчарне посадкой на все контрольные суда, в том числе на германские и итальянские, наблюдателей из «нейтральных» стран.

Усиливая гарантии «безопасности» контрольного флота в испанских водах и санкционируя его право на «самозащиту» в случае ничем не вызванного нападения, Лондонский комитет ни в чем не изменил бы положение

английских и французских судов, добросовестно и даже, можно сказать, чрезмерно придирчиво выполняющих свои контрольные функции, и только эти функции. Но в то же время такие результаты длинной цепи преступлений, заключительным звеном которых оказалось — пока! — алмерийское, были бы настоящей хартией неприкосновенности для фашистских судов, ведущих под флагом «контроля» войну против испанской республики, настоящей премией за шантаж и настоящим поощрением новых и все более откровенных и громких актов фашистского разбоя. Недаром же Гитлер и Муссолини не уходят окончательно из Лондонского комитета, а лишь держат его под угрозой своего ухода. Недаром, объявляя о своем «временном» неучастии в осуществлении «контроля», они не уводят своих судов из испанских вод, а, наоборот, шлют новые и новые подкрепления к испанским берегам. Недаром после Алмерии так явно окрепла берлинско-римская «ось» и так демонстративно усилилась военно-подготовительная работа фашистского блока и в дунайском бассейне, и на Балканах: выигрывая битву в Испании, они уже подготавливают выигрыш ее в Средней Европе.

Что мешает им в самом деле повторить свой «испанский» опыт в Чехословакии? Ведь, и в Чехословакии имеются свои Франко, готовые, по мановению руки Гитлера, поднять мятеж во имя «спасения цивилизации» от... большевизма! Ведь и там можно вести наступательную войну под флагом участия в политике «невмешательства в гражданскую войну»! Ведь и там законное демократическое правительство может быть поставлено в такое положение перед лицом мятежников и стоящих за ними фашистских держав, в каком очутилось законное демократическое правительство испанской республики!

Правда, на съезде чешской социалдемократии т. Луи Леви огласил приветствие Леона Блюма, в котором без всяких дипломатических условностей говорилось, что нападение на Чехословакию французское правительство будет считать равносильным нападению на Францию, и никто не может, конечно, усомниться в искренности намерений и полновесности слов, сказанных нашим славным французским товарищем. Но что такое «нападение», если обстрел Алмерии есть лишь какая-то непредусмотренная международным правом «репрессалия»? Когда будут решаться судьбы Чехословакии, не создается ли снова — прежде всего, благодаря консервативному правительству Великобритании — международная ситуация, при которой «невмешательство» и привлечение волков к «контролю» за сохранностью овчарни будет объявлено единственным способом «спасения мира» — вплоть до тех пор, пока в порабошенной фашистским мечом Европе и «спасать» уже будет нечего?

Непрерывные отступления Лондонского комитета перед фашистским шантажем являются неизбежным следствием проведения политики «невмешательства» в сотрудничестве с теми, нескрываемою целью которых является вмешательство в испанскую гражданскую войну на стороне мятежников. Можно было бы и впрямь проводить политику «невмешательства», но серьезно проводить ее можно было бы лишь против Гитлера и Муссолини. В том же виде, в каком она проводится, она все более и более превращается в прямое поощрение фашистского разбоя не только в Испании, но во всей Европе. Она не только не спасает мир, но прямо накликает войну в условиях, наиболее благоприятных для фашизма, ибо непрерывное отступление перед ним прямо толкает в его объятия все те малые государства Средней Европы и Балкан, в которых судьба республиканской Испании убивает подорванную уже

гибелью Абиссинии веру в возможность найти действенную защиту в демократиях Англии и Франции.

Борьба международного рабочего класса за пересмотр политики «невмешательства» есть таким образом борьба не только за спасение испанской республики, но и за подлинное спасение европейского и всесветного мира. Эта борьба и до сих пор была не вполне успешна. Благодаря ей не только была оказана известная помощь борющимся за свою свободу трудящимся массам Испании, но была предотвращена и неизбежная без нее полная капитуляция «демократических» держав

перед итало-германским фашизмом. Минимум таким образом достигнут, не все еще потеряно.

Но задача, во имя которой ведется международным пролетариатом борьба за пересмотр политики невмешательства, так грандиозна, что на минимуме успокаиваться нельзя. Необходимо добиться максимума. Фашизм не должен «пройти» не только через труп испанской республики, он не должен «пройти» и через труп европейского и всесветного мира. Волки должны быть изгнаны из овчарни не только в Испании, но везде и всюду и — навсегда! Без такого изгнания мир спасен быть не может!

П. ГАРВИ.

„Демократическое обновление“

Явный террор и тайные выборы — таков политический аспект текущего момента. В этом чудовищном сочетании противоположных политических методов, в этой кощунственной попытке построить здание «социалистической демократии» на крови и грязи, на физическом истреблении и на моральном ошеломлении всех инакомыслящих социалистов и коммунистов находит свое выражение новая сталинская «система». Явный террор должен обеспечить плебисцитарные результаты тайных выборов. Тайные выборы при «твердом большевистском руководстве» должны увековечить террористическую диктатуру «вождя народа».

Необычайный разгул террора возвращает нас к самым мрачным временам гражданской войны. Но тогда правительственный террор, поскольку он в преобладающей степени направлен был против открытых врагов революции, не нуждался, за малыми исключениями, в лицемерной маскировке. Сейчас сталинский террор направлен, главным образом, не против врагов революции, а против ее деятелей, против инакомыслящих социалистов и коммунистов. Его целью является не защита революционного строя от наседающих внутренних и внешних врагов, а ограждение личного самодержавия Сталина и социальных привилегий формирующегося нового правящего сословия. Поэтому политическая мотивация террора наших дней насквозь лжива и лицемерна. Всех инакомыслящих коммунистов и социалистов Сталин «громит и корнует», как «шпионов», «изменников», «японо-германских диверсантов».

Террор, построенный на лжи — и вместе трусливый. На московские процессы «троцкистов», инсценированные при бенгальском освещении, общественное мнение Запада в конце концов реагировало судорогой отвращения. И вот о новых судебных инсценировках и о новых массовых казнях в столичной печати, попадающей за границу, молчок. Расстрел 44-х в г. Свободном на Дальнем Востоке — самый крупный расстрел со времени кровавой тризны по Кирове — был трусливо замолчан. И только тогда, когда орган английской Рабочей Партии «Дэйли Геральд» извлек сообщение о процессе 44-х из номера дальневосточной газеты «Тихоокеанская Звезда» от 9 мая и осудил это новое преступление скорострельной юстиции Сталина, лейб-орган последнего, московская «Правда», в номере от 22 мая в непотребной полемике с лэйбористскими «защитниками троцкистско-германских шпионов и диверсантов» вынуждена была рассказать об этом страшном деле.

Оказывается, что выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР было рассмотрено (когда?)

в г. Свободном «дело об участниках троцкистско-шпионско-террористической и диверсантской организации, действовавшей на железных дорогах Дальнего Востока под руководством и по заданию японских разведывательских органов». Сорок четыре участника этой организации приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Имена осужденных и казненных не приводятся «Правдой». Зато сообщается, что «подсудимые признались в своих преступлениях», что во главе разоблаченной банды шпионов и диверсантов стоял «старый матерой шпион Авербах», что «под его командой собрался в шпионской организации всякий контр-революционный сброд», что в эту организацию «помимо троцкистов, правых, меньшевиков, эсэров входили активные колчаковцы» и что «все участники этой контр-революционной троцкистско-белогвардейской банды были одновременно членами японской шпионской организации».

Недалекое будущее покажет, чем является этот провинциальный процесс в г. Свободном (!): репетицией нового грандиозного процесса в столице или лишь традиционным сваливанием ответственности за бесхозяйственность и за преступную небрежность власть имущих на исполнителей и на местных людей? Ведь из той же статьи «Правды» мы узнаем о следствии по делу другой «шпионско-диверсантской банды троцкистов», действовавшей на Орджоникидзевской жел. дороге на Северном Кавказе, где в течение одного лишь января 1937 года было якобы «устроено» троцкистами 17 крушений и аварий, причем во время крушения на станции Кяеве было 49 убитых и 95 раненых! А ведь от Сев. Кавказа до Японии и Германии семь дней скачи...

Судебные инсценировки и массовые процессы на периферии, а в центре, за стенами Кремля, продолжается систематическая смена ближайшего окружения самодержавца. После Ягоды — Тухачевский, после Тухачевского — Ян Гамарник. Начальник Политического Управления Красной Армии, заместитель Наркомвоена Ворошилова и член ЦК ВКП был заподозрен в сношениях с оппозиционерами. Подобно Томскому, он мужественно предпочел самоубийство аресту, пыткам, самооговорам на суде и позорной казни с клеймом изменника, шпиона и фашиста. Рука и глаз Сталина в Красной Армии, Гамарник оказался ненадежным, притом как раз в момент реформы военных округов, усиливающей надзор за политико-моральным состоянием Красной Армии!

Убить себя, чтобы не быть опозоренным и убитым — это выход для одиночек. А под угрозой террористической расправы находятся все, «не взирая на лица». Достаточно прочесть в «Правде»

от 22 мая клеветливые вопли и истошно-кликушеские угрозы по адресу «троцкистско - правых шпионов», чтобы понять всю силу этого припадка панического террора: «Нет и не будет пощады шпионам, диверсантам, террористам, которые поднимают руку на жизнь трудящихся Советского Союза! Врагам СССР мы житья не дадим! За каждую каплю пролитой рабочей крови враги СССР расплатятся пудами крови шпионов и диверсантов!»

*
**

Вокруг диктатора образуется, употребляя образное выражение Герцена, «простор отсутствия». Но история, подобно природе, не терпит пустоты. Своим необузданным террором Сталин сам сплачивает своих противников и ускоряет финал. Узурпатор октябрьской революции становится местоблюстителем престола грядущего отечественного Бонапарта.

Култ «вождя народов» выполняет определенную политическую функцию в процессе приспособления политической надстройки пореволюционного советского общества к потребностям новой социальной иерархии. Единодержавие Сталина питается не только его личным властолюбием, но и всей обстановкой завершительного периода революции, заведенной в тупик. Лишь подлинно демократическое завершение революции могло бы еще консолидировать ее основные завоевания и спасти страну от военного разгрома. Но такое демократическое завершение революции невозможно без политической активности масс, а между тем сталинское единодержавие выросло и все больше утверждается в беспощадной борьбе с подлинной самостоятельностью трудящихся.

Вот почему Сталин, субъективно пытаюсь, быть может, уйти от «термидора», объективно толкается на путь самотермидорства. Вот почему, стесняемый старыми, пережившими себя, партийно-диктаторскими скрепами советского режима, он вынужден искать

новых политических скреп в формальном демократизме, вчера еще принципиально отвергавшемся большевистской доктриной. И вот почему этот формальный демократизм превращается в его руках в орудие плебисцитарного цезаризма, в который одинаково упирается как классический «термидор», так и отечественное «самотермидорство».

Если могли еще быть сомнения в подлинном смысле сталинского «демократизма», подпираемого террором, то заканчивающиеся переборы партийных органов на новых «демократических» основаниях вносят в этот вопрос печальную ясность.

С внешней стороны все обстоит, как должно быть. Ясно, что правящая партия, выросшая в условиях диктатуры, в своем старом виде не годится, как орудие демократического обновления советского государства, как не годятся для этой роли и старые, обюрократившиеся профсоюзы, кооперативы, колхозы. Демократизация всех этих форм советской общественности, но демократизация свободная и независимая, должна, естественно, предшествовать демократическому обновлению советской государственности на началах новой конституции.

Беда только в том, что демократическое обновление советской государственности вовсе не входит в действительные расчеты и планы диктатора. Иначе новая сталинская конституция не узаконяла бы положения, созданного большевистской диктатурой и выразительно сформулированного (ирония истории!) Бухариным и Томским: «В советском государстве могут существовать несколько партий, но только одна у власти, а остальные в тюрьме». Узаконив монополию и руководящую роль большевистской партии в государстве и во всех общественных организациях, новая конституция тем самым инкорпорировала эту партию в государство и сделала для диктатора политически неотложной и необходимой ее радикальную перестройку на тех же началах плебисцитарного цезаризма, т. е. полного подчи-

А. ЦИЛИГА.

По советским изоляторам

После Соловецкой драмы в декабре 1924 года в континентальной России было организовано пять политических изоляторов: Суздальский, Ярославский, Тобольский, Челябинский и Верхне-Уральский. Сам я сидел только в двух из них, но в течение многолетнего пребывания в тюрьмах и в ссылке Советской России я встретился больше чем с сотней людей, побывавших и в тех изоляторах, которые я сам не видел. Из многочисленных рассказов товарищей каждый из этих изоляторов встает передо мною, как живой. Со всеми ими связаны не только воспоминания об ужасах, но и о дружбе, выковавшейся в совместной борьбе за человеческое достоинство.

Суздальский изолятор помещается в знаменитом бывшем Суздальском монастыре. В большом монастырском саду расположено несколько зданий, удаленных друг от друга на несколько сот шагов. При строгости охраны это расстояние вполне достаточно для того, чтобы обитатели этих зданий не видели друг друга и даже не знали о существовании друг друга в течение 3 или 5 лет. В течение этого срока заключенный видится и имеет связь только с 10-20 человеками — обитателями его здания. Большинство флигелей сырые. Сырость — второй бич Суздальского изолятора. Есть у

него, однако, и преимущества: лучшее питание, лучшая по сравнению с другими изоляторами библиотека. Есть некоторая польза и от близости к Москве.

В этом изоляторе подготавливался меньшевистский процесс, там шли «репетиции» предстоящего публичного суда в Москве... Во время пятилетки в этом изоляторе сидело 30-40 троцкистов, среди них Л а д о Д у м б а д з е (бывший председатель Тифлисского Совета), К а р п о в (бывший начальник Кавказской чеки), В о л к о в (зять Троцкого). Отсидел там свою «пятилетку» и лидер «децистов» Владимир Михайлович С м и р н о в, начальник артиллерийской группы, выгнавший в октябре 1917 года заседавших в Кремле юнкеров, позднее ставший лидером «военной оппозиции» 1919 года, выступившей против бюрократизации Красной Армии. В 1935 году В. М. Смирнов отбыл свой срок, но после 2-месячного пребывания «на воле» — в ссылке в Улала (на китайской границе), был снова арестован и снова отправлен на 5 лет в Суздальский изолятор.

После Кировского дела в Суздальский изолятор попало три видных зиновьевца-иностранца: венгерец А. М а д ь я р (сотрудник журнала «Коммунистический Интернационал»), поляк Д м о в с к и й (один из вождей польской компартии) и югослав В о я В у й о в и ч

нения вождю, освященному «свободным» и «тайным» волеизъявлением партийного народа.

Приказанная сверху критика и «самокритика» выявила, правда, ужасающую картину бюрократического вырождения правящей партии. Но критика «не взирая на лица» останавливалась у порога «сталинского ЦК» и не касалась общих основ партийной политики, проводимой непогрешимым генсеком. Выходило как то так, что главные грехи истово каявшихся партаппаратчиков, как и главные упреки, посылавшиеся партийными низами по адресу местных вождей, заключались в ошибках не столько политического, сколько полицейского порядка: «самоуспокоенность», «идиотская болезнь беспечности», «недостаток бдительности». Больше полицейская, чем политическая мобилизация партии против разнovidной внутрипартийной оппозиции, объявленной вне закона, — таково было неизменное и убогое содержание всех отчетно-выборных собраний партии.

По данным «Отдела руководящих парторганов ЦК ВКП» («Правда» от 23 мая) о 54.000 первичных организаций ряда областей половина всего количества отчетно-выборных партсобраний признала работу парткомов и партторгов неудовлетворительной. Это и неудивительно. Не потому только, что запущенность и неудовлетворительность партийной работы давно уже ни для кого не составляла секрета, но главным образом потому, что признание этих фактов входит сейчас обязательным элементом в понятие «политической бдительности».

*Сбитые с толку, местные руководители парторганизаций кое-где буквально поняли директивы центра о соблюдении демократических принципов на отчетно-выборных собраниях. Их обвинили в «небольшевистском понимании внутрипартийной демократии». В других случаях, высшие парторганы на местах добросовестно проводили «исправленную» директиву ЦК о «большевистском руководстве» тайными выборами — их ста-

ли обвинять в «администрировании». Не довернись — быют, перевернись — быют!

В конце концов победила линия «большевистского руководства». Обкомы и горкомы перестали «самоустраиваться» и стали ревностно пресекать «формальное и ложное понимание внутрипартийной демократии». Партийные низы, увлекшиеся «формальной и ложной демократией», были призваны к порядку. «Самотеку» тайных выборов была объявлена война. Горкомам, райкомам и обкомам напомнили, что с них «никто не снимал ответственности за руководство выборами».

Нарочитым подбором «гротескных» эпизодов «Правда» пыталась скомпрометировать и затоптать первые же победы самостоятельности партийных низов. Горкомы, райкомы и обкомы воспользовались директивой о большевистском руководстве выборами для того, чтобы навязывать партсобраниям своих кандидатов, нередко прибегая в целях «сохранения кадров» к хитрой механике снятия с постов особенно скомпрометированных партсекретарей и партторгов и «плановой» переброски их в другие организации в качестве особенно рекомендуемых кандидатов.

В результате «большевистского руководства» тайными выборами состав членов партийных комитетов, по данным 54 тысяч первичных организаций, обновился на 55%, а состав секретарей парткомов и партторгов на 36%. К сожалению, «Правда» не сообщает, какой процент «новых» партаппаратчиков избран не в результате свободного волеизъявления партийной массы, а в порядке «большевистского руководства» и навязывания кандидатур сверху. Но решающим моментом является другое: попав в старый котел партийного бюрократизма и монопольного администрирования, новые кадры скоро ассимилируются со старыми и будут захвачены процессом стихийного формирования нового правящего сословия. Предстоящий партс'езд ВКП достойно завершит дело, начатое отчетно-выборными собраниями первичных ячеек, городских, районных и областных конферен-

(бывший секретарь Коммунистического Интернационала Молодежи).

Ярославский изолятор помещается в древней крепости, давно, еще при царизме, приспособленной под тюрьму. Это худший из изоляторов, штрафной. Там содержатся три группы заключенных: 1) «Религиозники», 2) Политические и 3) «Засекреченные».

«Религиозники» составляют там основную группу. Это прежде всего их изолятор. Там сидят епископы православной церкви, главы сект, католические священники (с западной границы). Здесь просидела 10 лет сестра известного профессора университета Абрикосова — теософка-мистичка. Уже тяжело больную, за месяц до смерти, ее выпустили домой. В Ярославле находится сотня человек политических — сионистов, эсеров, социалдемократов, коммунистов-оппозиционеров, анархистов. Зимой 1927 года политические заключенные устроили обструкцию, которая была подавлена при помощи обливания заключенных водой из брандсбойтов.

Во время первой пятилетки в Ярославском Изо находилось три члена Политбюро венгерской компартии. Они были сторонниками «генеральной линии» и ВКП, но противниками Бела Куна в своей партии. Их пригласили в Москву для обсуждения спорных вопросов внутри венгерской партии и тут они были арестованы и посажены в Ярославский изо. В положении почетных пленников в России находятся сотни иностранных коммунистов. Многие из них живут в России как в партссылке, разбросанные по глухим углам русской провинции.

Часть здания тюрьмы в Ярославле «засекречена», т. е. совершенно изолирована от остальных заключенных. Там сидят, друг от друга тоже изолированные, специально-осужденные, которых по той или иной причине ГПУ желает наказать особо, их заживо схоронить. Кое-что о некоторых из этих несчастных удавалось все-же узнать. Там просидела почти пять лет эсерка Волкенштейн, бывшая научная сотрудница Военной Академии, воспользовавшаяся своей научной командировкой за границу, чтобы связаться с редакцией эсеровского журнала, издававшегося в Берлине. За время сидения Волкенштейн частично лишилась способности речи. Один из «засекреченных» успел однажды прокричать: «Передайте персидскому посольству в Москве, что в Ярославле сидит персидский профессор Мирза (так, по крайней мере, передавали мне эту фамилию) невинно обвиненный в шпионаже»...

Тобольский изолятор помещается в известной каторжной тюрьме царских времен. В этой тюрьме сидел Достоевский и описал ее в своем «Мертвом Доме». В 1925 и 1926 гг. заключенные там социалисты и анархисты были дважды подвергнуты избиениям за свое нескромное требование человеческого к себе отношения со стороны охраны. С 1928 года туда стали прибывать троцкисты. В последующие два года они заполнили собой почти всю тюрьму. В марте 1929 года Тобольские троцкисты вели длительную голодовку-протест против административных репрессий, добываясь гласного суда над собой. Голодовка была подавлена. Затем пошла волна троцкистских капитуляций, унесшая с собой

дий, республиканских парт'ездов. Не знаем, на сколько процентов обновится состав ЦК, но твердо знаем, что этот обновленный ЦК, формально выбранный тайным голосованием съезда, на деле будет подобран несменяемым генсеком, т. е. окажется подлинно «сталинским» ЦК.

Тайные перевыборы парторганов снизу доверху это репетиция профсоюзной, кооперативной, комсомольской и колхозной демократизации, за которой последуют как увенчание здания, «сталинские» выборы по новой конституции. Партвыборы показали, что лишь предельный нажим педали «большевистского руководства», подкрепляемого небывалым разгулом кровавого террора, может обеспечить угодные диктатору результаты тайного голосования. На выборах непартийных организаций, а особенно на советских выборах «самотёк» низового недовольства будет еще труднее подчинить «большевистскому руководству». Правда, монополярный характер большевистской партии как будто вполне обеспечивает выставление и прохождение лишь стопроцентных сталинских кандидатур. Но не полагаясь на конституционную монополию ВКП, Сталину придется сугубо подкрепить большевистское руководство тайными выборами явным усилением кровавого террора, чтобы начисто уничтожить возможные центры кристаллизации народного недовольства и активности.

Мера террористической иступленности в точности соответствует мере недоверия диктатора и к своему ближайшему окружению, и к народной периферии. Подмена свободного народного волеизъявления плебисцитом под дулом чекистского нагана лишь увеличит отрыв власти от народа и ускорит бонапартистскую развязку, — если только этот «естественный» до банальности ход событий на излете революции не будет прерван самочинным вмешательством народа и прежде всего рабочего класса в политическую жизнь и, в частности, в выборную кампанию по новой конституции.

большинство заключенных троцкистов, некапитулировавшее меньшинство было осенью 1929 года переведено в Верхне-Уральский изолятор.

Челябинский изолятор был вторым изолятором, где в 1928-29 гг. преобладали троцкисты. Во время полосу капитуляций и там произошло разделение: около половины состава капитулировало, а некапитулировавшие были также переведены в Верхне-Уральский политизолятор. Вновь прибывавшие в Челябинск состояли в своем большинстве опять из анархистов, социалистов и сионистов.

Волна капитуляций разделила троцкистскую оппозицию не только политически, но и по возрастному признаку. Капитулировало старшее поколение, более изношенное и более связанное с пройденными этапами общественного развития. Психологию их хорошо выразил Буду Мдивани, — арестованный сейчас на Кавказе и обвиненный не более и не менее как в организации террора на Кавказе: «Пока дело не дойдет до окончательного разрыва с партией, я остаюсь в оппозиции, если же дойдет до разрыва, я вернусь в партию, на строительство которой я отдал все свои силы, для строительства новой партии сил уже не хватает».

Привезенные в Верхне-Уральский изолятор, о котором я уже писал, коммунисты-оппозиционеры имели тотчас-же (в 1929 году) конфликт с администрацией тюрьмы. Чтобы проучить их и показать, что они уже не привилегированное сословие, а «обыкновенные контр-

И. ГРЕКОВ.

Сталинизация армии

Список членов пленума МГК ВКП (б).

...15. Гамарник Я. Б....

(«Правда», 30 мая, из отчета о моск. гор. конференции ВКП).

Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством.

(Из петитной хроники «Известий», 1 июня).

...вскрыть опасных и злейших врагов народа, которые, актерски маскируясь, подобно троцкистскому выродку Гамарнику, творили свои шпионские дела, продавая родину германским и японским империалистам.

(Из передовой «Правды» от 4 июня).

После ГПУ — армия. После истребления Ягоды и всего его ближайшего окружения наступает очередь красноармейской головки. После Тухачевского — очередь Гамарника. Оба ближайших помощника Ворошилова погружены в небытие: один — в физическое, другой — пока лишь в политическое. Долго-ли еще суждено гарцовать на вороном коне и принимать московские парады самому нынешнему Наркомвоен?

Никто не может еще сейчас ответить на этот вопрос, и меньше всего, вероятно, сам Ворошилов. Но уцелеет-ли он, как уцелел — пока! — Каганович, или нет, смысл совершающегося вполне ясен: идет не «советизация», не «большевизация», а в самом доподлинном смысле слова — «сталинизация» армии, превращение ее в послушное орудие Единого и Великого.

«Сталинизируется» в Советском Союзе ныне все. От любого хозяйственного Наркомата до ГПУ. От истории и юриспруденции до философии, литературы и искусства. «Сталинизируется» даже северный полюс: отваж-

революционеры», ГПУ в ответ на их протесты против тюремного режима избilo их и облило водой из брандсбойтов и после этого еще три дня держало «на карцерном положении», т. е. облитых и избитых, еще связанных людей оставили лежать на холодном цементном полу трое суток без пищи, без возможности даже пользоваться уборной. Избиение и обливание водой повторилось и в феврале 1930 года в середине зимы. Это кончилось заболеванием ряда заключенных, один из которых, Андрей Граев, совершенно лишился зрения.

Надзирательский персонал сначала состоял из местного казацкого населения и он не без удовольствия избивал коммунистов, первую попавшуюся им под руки группу коммунистов. Среди избиваемых было много евреев. Больше чем у одного надзирателя-казака вырывалось при этом: «Ах, жида проклятые!» А избиваемые оппозиционеры кричали казакам: «Ах, термидорианцы, черносотенцы, что вы и Сталина так будете бить, если его завтра привезут сюда?» Казаки не без готовности отвечали: «Если прикажут, и его будем бить». В результате энергичного протеста оппозиционеров казаки были заменены прибывшими из Москвы, особо вышколенными гепеурами, наполовину бывшими рабочими. Этим ГПУ иногда бравировало. Так, когда заключенные в Тобольске пожаловались приехавшей из Москвы комиссии на дурное обращение надзирателей, комиссия ответила гордо и несколько уязвлено: «Наши надзиратели не палачи, они — сыновья рабочих и крестьян». Один старый эсер, отбывший еще царскую каторгу, тут же возразил комиссии: «Если гражданка Андреева ду-

ные советские аэронавты должны «покупать» право на свой героический подвиг, униженно слагая свою славу к стопам все того-же Единого и Великого и водружая на полярных льдах врученное им еще в Москве полотнище с Его изображением.

От Него все должно исходить, Ему все должно служить, перед Ним все должно безмолвно и беспрекословно склоняться: как при Павле Первом, советский «дворянин» лишь тот, с кем Он говорит и пока Он с ним говорит. Для этого должны быть — в порядке ссылки, ареста, самоубийства или убийства — «сняты с постов» все, кто, в силу-ли своих достоинств или в силу своего прошлого, сам по себе представляет «фигуру», а не светит лишь отраженным сталинским светом, если они не догадываются во время умереть естественною смертью, как догадался Орджоникидзе, к которому Единый и Великий тоже уже подбирался через его ближайшего помощника, Пятакова. А у «неснятых» должны быть отняты и заклеены званием «врагов народа» и «шпионов» все ближайшие, ими самими подобранные сотрудники, чтобы уступить честь и место сталинским клеветам.

Снизу до верху подвергается такой «чистке» весь партийный и советский аппарат. Теперь очередь дошла до последнего и самого важного звена его — до армии. Можно быть уверенным, что на Тухачевском и Гамарнике дело не остановится. Но зато, когда и армия будет «сто процентно» сталинизирована, можно будет сказать, что сталинизация аппарата завершена до конца и путь для сталинского плебисцита расчищен.

Правда, этот путь не лишен опасностей. Недаром народная мудрость советует и робкую козу не доводить до крайности. Обуянные страхом, и послушные ныне сталинские «козы» могут наконец встать на дыбы и использовать «посты», на которые их Единый и Великий собственноручно посадил, чтобы избавиться от тяготеющего над всеми ними кошмара.

Недалекое уже будущее покажет, удастся-ли Стали-

ну довести свой плебисцитарный поход «до победного конца». Но, как бы то ни было, мы, социалдемократы, не забываем, что сталинизация аппарата отнюдь еще не означает сталинизации страны. Мы не забываем, что, если сверху все делается, чтобы превратить новоявленную «демократию» в орудие бонапартистского плебисцита, то внизу, в рабочих и крестьянских массах Советского Союза, зреют настроения совершенно иного порядка и направления. На росте этих настроений и только на нем строим мы свою уверенность в том, что в тяжбе между бонапартизмом и подлинной демократизацией режима еще не сказано последнее слово, что первые «тайные» выборы явятся и первым, но ни в коем случае не последним боем между ними, и что, если в этом первом бою трудящиеся массы и потерпят поражение, то конечная победа останется все же за ними. В подготовку этой победы должны вложить свои силы все, для кого дело социализма не пустой звук...

С. ШВАРЦ.

Кризис охраны труда

Кризис в политике охраны труда приблизился к своей высшей точке. Замалчивать его уже не решается и казенная печать. Правда, она пишет о нем лживо и лицемерно, пытаясь всю ответственность за развал охраны труда взвалить на вездесущих «троцкистов», на неутомимых и всемогущих германо-японских шпионов. Но за этой грубой бутафорией отчетливо выступают подлинные контуры действительности. Шила в мешке не утаишь.

Гигант сельско-хозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. Конечно, это никто другой, как «подлая шайка гнусных предателей родины, возглавляемая директором завода Глебовым-Авиловым», в течение мно-

мает, что тюремщики царского времени набирались из князей, а палачи из графов, она очень заблуждается».

Особо вышколенный надзирательский персонал, привезенный из Москвы, в глазах ГПУ был надежнее местного, сверх того в его лице ГПУ имело еще и свою перестраховку в виде шпионажа среди надзирателей и администрации. При этом только одна ветвь этого шпионажа, так называемый «политконтроль» была подчинена начальнику изолятора, вторая — была независима от него, он даже сам находился под ее негласным контролем. Эта вторая ветвь сносилась непосредственно с московским ГПУ.

Вторая перестраховка состояла из организации провокаторов из среды заключенных, следивших не только за своими сокамерниками, но и за надзирателями. И все же... бывали случаи, когда тот или иной надзиратель оказывал услуги заключенному. Но основной путь нелегальной связи заключенных с волей был, конечно, другой. Один из этих путей был раскрыт ГПУ и поэтому я о нем могу рассказать.

Связь шла через заключенных уголовных, обслуживающих изолятор. Один из них взялся передавать письма заключенных социалдемократов их доверенному человеку, жившему в Верхне-Уральске. На условленном месте в лесу, куда ходили уголовные на работу, он закапывал эти письма, а доверенное лицо из города приходило потом в лес и их выкапывало...

Отношения между заключенными и администрацией внешне были очень вежливы. За этой вежливостью, однако, чувствовалась постоянная напряженность, мол-

чаливая и неустанная борьба. Накапливаясь в отдельных словах, жестах и движениях, напряженность находила свою развязку в периодических конфликтах — в голодовках, обструкции, избиваниях, обливаниях водой, в сумасшествии или самоубийствах заключенных, в стрельбе охраны. После каждого такого открытого конфликта на несколько месяцев наступала тишина: и та, и другая сторона были исчерпаны.

В 1932 году коммунисты-оппозиционеры, заканчивавшие срок заключения, стали получать новые двухлетние надбавки. Они вновь поставили перед изолятором вопрос о голодовке. Голодовка была намечена на декабрь. В ГПУ было отправлено соответствующее заявление. Прямого ответа от ГПУ не было, но был косвенный: почти половина Верхне-Уральского состава заключенных была увезена — частью в Суздальский, частью в Ярославский изоляторы. В связи с этим решено было, что если не поступит формальный и удовлетворительный ответ от ГПУ к декабрю месяцу, уезжающие начнут голодовку в новых изоляторах в тот же день, когда она намечена была в Верхне-Уральском изоляторе. Так и случилось. Голодовка вспыхнула во всех трех изоляторах одновременно, но на 13-й день она была подавлена насильственным применением искусственного питания и новым развозом товарищей по изоляторам и концлагерям.

Из Верхне-Уральского изолятора отправлено было тогда до 30 человек в концлагерь. Голодовочная комиссия, состоявшая из Дингельштедта, Краскина и Слитинского и ряда других товарищей была отправлена на Со-

гих лет разрушала охрану труда. Конечно, после разоблачения и устранения этих врагов народа все пошло иначе. «Сейчас» «создаются хорошо оборудованные газоспасательные уголки», «организуется световая и звуковая сигнализация», «исправляется система газопровода», «приводится в порядок аппаратура газопечей», «начаты работы в кузнечно-прессовом цехе» и т. д., и т. д. («Труд» от 5-го марта). Но все это оказалось блефом. Прошло еще 2 с половиной месяца, и на пленуме ЦК союза рабочих сельско-хозяйственного машиностроения выяснилось с полной очевидностью, что на «Ростсельмаше» ничто до сих пор не переменялось: «Рабочие ждали реальной помощи. Но тщетно» («Правда» от 26-го мая).

Или вот другой пример: «Донсода». Здесь «фашистские наемники избрали охрану труда и технику безопасности одним из основных объектов своей вредительской деятельности». Положение создалось действительно чудовищное.

«На известковых печах вредители заставляли гнать удвоенную норму газа и вызывали **отравление рабочих**. Вследствие того, что паропровод был испорчен, в известковый цех попадал пар, и рабочие передвигались от агрегата к агрегату ощупью, как в тумане. Плохая видимость приводила к травматизму.

Во всех цехах вредители разрушили вентиляционное хозяйство. В известковом цехе, несмотря на **большую загазованность**, не работали ни приточный, ни вытяжной вентиляторы. Такая же картина в цехе «бикарбонат» и др. Окна во всех цехах были наглухо забиты, чтобы нельзя было проветривать помещения. **Оголенные провода высокого напряжения**, масса стыков — все это постоянно грозило пожаром. В результате травматизм на «Донсоде» в 1936 году достиг огромных размеров».

Конечно, все это дело рук вредителей. Но вот невредительский завком — знал-ли он обо всем этом? Еще бы:

«О всех безобразиях и фактах вредительства стахановцы Бурмин, Федорова и другие сигнализировали заводским организациям и заводоуправлению. Но результат этих заявлений получался обратный. **Рабочих, которые вскрывали гнусные действия вредителей, обвиняли в оппортунизме, в нежелании работать**».

Может быть, хоть ЦК Союза не знал обо всех этих безобразиях? Нет, оказывается, и руководящие работники ЦК были отлично обо всем этом осведомлены, «но ничего не предпринимали».

Но вот вредители давно сняты. Что-же, переменялась обстановка на заводе? Ничуть не бывало:

«Попрежнему на заводе царит непроходимая грязь. В цехах все еще стоит туман от испарений... Трубы, по которым проходят жидкости и газы неисправны и пропускают газы» и т. д., и т. д. («За Индустриализацию» от 8-го апреля).

Бывает и того хуже. У многих еще в памяти опубликованное после процесса Пятакова-Радека истерическое обращение «рабочих» Московского завода «Серп и Молот» «ко всем рабочим Советского Союза»: «Мы знаем, что агрегаты сами по себе не останавливаются, станки сами не ломаются, котлы сами по себе не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука. Не рука-ли это врага? — вот первый вопрос, который должен возникнуть у каждого из нас в таких случаях» («Правда» от 31-го января). «Бдительность, бдительность превыше всего!» Но вот прошло немного времени и обнаружилось, что «ржавчина» глубоко в'елась в тело столь бдительного завода:

Цех холодного проката. В цехе часты «случаи **кислотных отравлений**». **Этот цех с его новыми станами был красавцем завода. Теперь он приведен в безобразное состояние...** В травильном отделении поставлены недостаточно-мощные вентиляторы, которые полностью не очищают воздуха от паров кислоты. Травильщики носят по лестнице ведра с кислотой, рискуя получить ожоги. Такая участь постигла недавно травильщика Маслова» и т. д., и т. д.

Но горе тому, кто посмеет заикнуться об этих безобразиях. Начальник цеха Сагайдак умеет говорить энергичным языком: «У меня не критикуют, а слепо подчиняются. Запомните, если хотите со мной работать».

Этот «волевой» герой нашего времени сумел показать себя во всю:

«Сагайдак всячески запугивал недовольных и поощрял подхалимов. Он хорошо знал, что дирекция и парт-

ловки. Там они нашли несколько сот политических заключенных: грузинских социалдемократов, дашнаков, азербейджанских мусаветистов, узбекских, киргизских коммунистов, заступившихся за свое крестьянство в период насильственной коллективизации; встретили они там также эсеров, сионистов, анархистов и троцкистов. Вся эта масса политических была разбросана маленькими группами среди уголовных и не пользовалась режимом политических. Хуже всего было отношение к средне-азиатским коммунистам, национальным оппозиционерам. Приехавшие из Верхне-Уральского изолятора коммунисты явились инициаторами сплочения всех политических в их борьбе за объединение на одном месте и за право пользоваться политическим режимом. Отчасти им это удалось.

Меньшинство Верхне-уральцев было отправлено в Ухт-Печерский концлагерь. Лагерь этот охватывает огромную территорию северо-востока России, площадью не меньше половины Франции. Но население этой громадной территории редко: едва ли оно достигает 150 тысяч и состоит преимущественно из заключенных. Там идут крупные работы: ищут уголь, золото, нефть, строят шахты и проводятся дороги, выкорчевываются леса. Ухт-Печерский концлагерь имеет свою собственную речную флотилию и автомобильные линии. Это государство в государстве. Подневольное население его это отлично сознает и комендант лагеря давно уже получил кличку «короля севера», как от заключенных, так и

от свободных обитателей соседней Зырянской области. Ухт-Печерский концлагерь имеет не только целый ряд стенгазет, но и центральный орган для всего концлагеря. Его редактором состоит известный украинский журналист, осужденный по делу СВУ (Союз вызволения Украины).

Организация труда в лагере разрешена таким образом, что во главе групп уголовных стоят бригадиром бывшие главари бандитских шайк и они командуют этими группами так, как в свое время они командовали своими шайками. ГПУ предоставляет этим главарям насаждать дисциплину труда по-своему, оно интересуется лишь тем, чтобы выполнена была норма выработки. Так называемая «перековка» людей — сплошное лицемерие.

Попытки побега здесь часты, но в крайне редких случаях они бывают удачны. Пустынность и дикость края, удаленность от населенных пунктов в большинстве случаев вынуждает оголодавших беглецов вернуться назад в лагерь.

С 1933 года, с начала второй пятилетки, политических и, в особенности, коммунистов-оппозиционеров, стали все чаще отправлять в концлагеря, рассеянные по всей России, Сибири и Центральной Азии. Чем больше «социализма» строит Сталин, тем больше становится тюрем и концлагерей, тем тяжелее политическим заключенным...

ком полностью ему доверяют, и поэтому действовал свободно. В январе 1936 года цех заливало водой. Рабочие работали, стоя в воде. Когда Сагайдаку сказали об этом, он нагло заявил:

— Пусть рабочие поплавают».

Может быть, Сагайдак «троцкий агент»? Но даже и «Правда» не решается на такое утверждение и обвиняет Сагайдака лишь в том, что он «учился вместе с Л. Седовым» (сыном Троцкого) во втузе. Это звучит угрозой не для одной сотни инженеров, «учившихся вместе с Л. Седовым».

Но Сагайдак отнюдь не исключение на заводе:

«Атмосфера зажима самокритики характерна не только для цеха холодного проката. Примерно такая же картина и в прессовом цехе... Созданы тяжелые условия работы. Цех заполнен газами. Нередки несчастные случаи» («За Индустриализацию» от 15-го марта).

Нарушение элементарных правил охраны труда и техники безопасности прочно вошло у нас в быт промышленных предприятий. Сколько писалось у нас о замечательных конструкциях советских машин, в которых с особенной заботливостью разработаны все приспособления, служащие для предупреждения несчастных случаев. Эта фарисейская болтовня служила долгое время и излюбленным предметом экспорта и получила широкое распространение за границей в кругах пресловутых «Друзей Советского Союза». На поверку эта замечательная предупредительная техника остается на девять десятых на бумаге. Недавно в «За Индустриализацию» была помещена очень поучительная «деловая» статья заведующего техникой безопасности на заводе «Динамо» им. Кирова. Наблюдения автора крайне безотрапны:

«Вообще говоря, машиностроительные заводы по закону обязаны выпускать машины вместе с устройствами для безопасной работы. Но не было случая, чтобы от них действительно требовали строгого выполнения закона. Несколько примеров. По закону кошки типа Демага должны выпускаться обязательно с ограничителями. Но наш потребитель должен радоваться, если он получает хотя бы одни кошки. Закон требует, чтобы станки, прессы выпускались с ограждениями. Но это не делается» («За Индустриализацию» от 9-го марта).

Понемногу проблематика техники безопасности все суживалась и свелась в конце концов в основном к вентиляции. На вентиляцию уходит нередко большая часть средств, предназначенных на технику безопасности. Но и вентиляция в огромном числе — пожалуй, в подавляющем большинстве — промышленных предприятий находится в катастрофическом состоянии. Предоставим слово для компетентного суждения «Труду», посвятившему недавно обширную статью «Вентиляции промышленных предприятий»:

«Возьмем хотя бы такое предприятие как Красноуральский медно-плавильный завод. Завод настолько загазовали, что в основном металлургическом цехе приходится работать в противогазах, чтобы не задохнуться от сернистых и других вредных газов.

Рука классового врага орудовала и в вентиляционном хозяйстве Челябинского тракторного завода. В чугуно-литейном, стали-литейном и кузнечном цехах этого завода нередко создавались большие концентрации газа, во много раз превышающие предельно-допустимые нормы. И здесь также получилась большая загазованность, были случаи и отравления рабочих.

Таких примеров... очень много.

...На некоторых предприятиях обнаружено, что пущенные в работу вентиляционные установки не имеют сооружений для очистки выбрасываемого из производственного помещения загрязненного воздуха и пыли. Это приводит к отравлению воздуха в зоне расположения жилых и производственных помещений. Проблема очистки выбрасываемого вентиляционного воздуха является сейчас чрезвычайно актуальной, так как около неблагополучных в этом отношении предприятий

“DER KAMPF”

INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

не только гибнет зелень, но и невозможно подать в цехи чистый воздух, — настолько загрязнена вся площадка вокруг предприятия» («Труд» от 11-го марта).

Положение за последние два года не только не улучшилось, но во многих предприятиях даже заметно ухудшилось. Сказалось это в частности в динамике травматизма. В связи с модернизацией и техническим переоборудованием промышленных предприятий у нас в течение ряда лет наблюдалось постепенное сокращение травматизма. В 1935 г. процесс этот остановился. Советские публицисты и сейчас еще любят говорить о падении травматизма, но оперируют при этом данными за 1930-1935 или 1932-1935 гг., обходя молчанием новейшие данные. Но вот то тут, то там все чаще проскальзывают сообщения о росте травматизма на отдельных предприятиях, а в последние месяцы иногда прорываются и обобщающие заявления о росте травматизма. Евреинов, сменивший недавно незадачливого Полонского в руководстве охраной труда в ВЦСПС, в своей программной статье «Охрана труда и борьба с травматизмом» еще пытался замести следы: «За последние два года, вследствие ослабления внимания хозяйственных организаций и профсоюзов к вопросам охраны труда, снижение числа случаев травматизма перестало идти вниз столь быстрыми темпами». Но и он уже оговаривается, что «по отдельным отраслям промышленности имеется даже некоторый рост травматизма» («Труд» от 5-го февраля). Но Шверник на пленуме ВЦСПС уже явно не сумел продолжать это балансирование на канате. Он уже прямо признал, что «выражением крайнего неблагополучия с работой по охране труда является рост травматизма в ряде отраслей промышленности» («Труд» от 16-го мая). И еще решительнее о том же говорил немного спустя на Ленинградской партконференции ленинградский областной прокурор Позерн, который сосредоточил внимание конференции на грубых нарушениях трудового законодательства, на росте травматизма, на бездушном и подчас преступном отношении некоторых партийных, хозяйственных и особенно профсоюзных руководителей к жизни и здоровью трудящихся» («Правда» от 26-го мая).

Нетрудно догадаться какие чувства и мысли порождает эта обстановка у рабочих. Правящая бюрократия, конечно, отдает себе в этом отчет. Отсюда и «либерализм» Шверников и Позернов. Но от этих словесных признаний до действительного поворота еще очень далеко. Вне пробуждения активности рабочих масс выхода из кризиса охраны труда не дано.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Дела литературные

Каждый новый этап революции неизменно сопровождался у нас жестокой расправой с вершителями литературных судеб предыдущего периода. Так было во время нэпа с героями «военного коммунизма», так случилось со всей элитой нэпа в начале первой пятилетки. То же происходит и сейчас со всем идеологическим «руководством» генеральной линии.

Сейчас, впрочем, эта расправа затруднена двумя обстоятельствами: в отличие от обоих предшествовавших фаз, однозначных в своей основной политической тенденции, генеральная линия скрывает под своим псевдонимом два различных периода, даже формально распадаясь на первую и вторую пятилетку. Больше того: каждый из этих периодов в своем развитии не дошел до логического конца. Первая пятилетка была оборвана отступлением власти перед колхозным крестьянством и удовольствовалась тем, что колхозный строй при всей шаткости своих экономических отношений, при всей зыбкости социального профиля новой деревни устоял против голода 1932 года и грандиозного саботажа крестьянства.

Вот почему вторая пятилетка и началась в атмосфере политического и экономического оптимизма и относительно либерализма. Верхний слой советского общества второй пятилетки ходил по земле с чувством выздоравливающего после смертельно-опасной болезни: не отваживаясь еще на большие прогулки, он всю жадность к жизни и движению выражал глазами и ликующими лозунгами о начавшейся «счастливой и зажиточной жизни». Если не по намерению, то на практике — вторая пятилетка была советской формой спуска на тормозах. В свою очередь она была оборвана выстрелом Николаева, вскрывшим перед руководителями власти подспудные социальные противоречия экономических успехов пятилетки.

Вытесненные, до конца не изжитые, идеологические концепции двух больших этапов генеральной линии продолжают жить в советском обществе, «путаются в ногах», используются в борьбе двух различных тенденций развития, тем самым затемняя смысл наступившей ликвидационной фазы генеральной линии. Больше чем в других областях, это можно увидеть на «фронте» художественной литературы. Увы, никогда еще слово «фронт» в сочетании с литературой не отражало так реальной действительности, как именно сейчас!

На протяжении 20 лет революции советская литература не раз переживала острые кризисы, всегда связанные с переломными моментами революции. Так было в начале генеральной линии. Несозвучными эпохе оказались «старшие богатыри» — весь первый писательский призыв революций. «Старики» «забузили», стали уходить в себя, углубились в историческую тематику, в художественную ревизию начала революции. Между тем, авансцену стали занимать новые, никому неведомые писатели, со слабой писательской техникой, зато с уверенно-звучащей декламацией. Сейчас происходит нечто другое. Писатели не уходят в себя — психологический роман и новелла, столь пышным цветом распустившиеся на излете нэпа, — влачат жалкое существование. Писатели продолжают писать на «современные темы», но они пишут так, словно вышли погулять в сумерки перед дождем и стараются не отходить далеко от дома — все равно пойдет дождь, они обыгрывают свой прежний материал.

Нет, не кризис переживает сейчас литература, а нечто большее: обмеление, затухание большой линии развития, которую до сих пор литературе удавалось пронести через все ухабы долгого пути. Разительнее всего это сказывается на эмоциональной трактовке положительных героев. Сereют, тускнеют образы коммунистов — носителей передовых идей эпохи. Попробовал недавно писатель Горбунов с теплотой описать «Семью» рабфаковцев, а получился сплошной конфуз: не семья молодых коммунистических студентов, застрельщиков новой жизни, а семья нескладных бурсаков, беспомощно путающихся в казенных балахонах отживших формулировок. И как характерно, что центральные фигуры романа Циля Штокман и Антон никак не могут наладить даже личного романа своей жизни!

Затухание большой линии развития литературы еще резче оттеняется творчеством новых писателей. Все они лучше владеют техникой письма, чем предыдущих два поколения писателей, но никаких новых горизонтов не открывают они перед читателем. Лучшие других еще молодые писатели Ленинграда с Юрием Германом во главе. Неплохо передают они особый воздух Ленинграда, в котором так много осталось от старого Петербурга. Да и немудрено: персонажи этих произведений, да и сами писатели — дети старых петербургских интеллигентов. Они прошли нелегкую жизненную школу. Революция расширила их кругозор, сделала их социально восприимчивее. Большинство героев их произведений — коммунисты. Но вот что удивительно: эмоционально — принадлежность к компартии — второстепенная деталь. Они не потому положительные герои, что стали коммунистами, а потому, что они дети старой петербургской интеллигенции, которая сумела сквозь строй годов пронести какой-то отличный от интеллигентов других городов свой быт и передать его детям: смесь личного мужества и, милой беспомощности веет не только над Германовской Антониной, но и над людьми повести Л. Вайсенберга «Хозяйка», в рассказе «Нож» А. Котовшиковой и т. д.

Еще характернее для оценки современной литературы и понимания внутренней борьбы, происходящей сейчас в советском обществе, является отношение официальной критики к большим полотнам, посвященным отображению строительства первой пятилетки. Мы имеем в виду не только «Мишу Курбатова» Макарова, занесенного в черный список, но и «Судьбу» Авдеенко, писателя вполне благонадежного и по биографии и по своим настроениям. Между тем и этот роман объявлен «серьезной неудачей писателя», кишит «политическими ошибками».

В активной части писательской общественности несомненно живет потребность взглянуть сейчас на пятилетку не под углом зрения успехов отдельного строительства, бывшего в центре их прежнего внимания, а художественно осмыслить весь пройденный этап. Эту потребность нужно приветствовать, ибо только в возвращении к большим общественным темам смогут писатели найти и выход на широкую дорогу реалистического творчества. Той же потребностью руководствовались в свое время первые «попутчики» нэпа, в широких полотнах осмыслившие «военный коммунизм» и гражданскую войну. Но как тогда, так и теперь, официальная критика встречает эти попытки в штыки. Помнится, во время нэпа она осудила большинство произведений «попутчиков» на том основании, что Октябрь вставал из их произведений не как пролетарская, а как огромная народная революция.

Сейчас у критики другие заботы. Преступление Макарова состоит в том, что хозяйственная и партийная бюрократия Знаменстроя слишком тесно сожительство-

ет с контр-революционерами. Получается пасквиль на «наше руководство». Авдеенко не удалось соблюсти в романе процентной нормы в отношении «раскулаченных»: у читателя создается впечатление, что строительство Железнодорожского осуществлялось руками «раскулаченных». Но это только поводы, причина отрицательного отношения официальной критики лежит глубже.

Каждое произведение, пытающееся осмыслить первую пятилетку и неизбежно оперирующее поэтому большим количеством действующих лиц, представляет собой бурлящий котел неизжитых социальных страстей и конфликтов, своим горячим дыханием обжигающих восприятие читателя. Энтузиазм руководителей и отдельных групп молодежи плывет по поверхности таких романов, только пригибая, но не преодолевая встречной стихии сумрачной неприязни, затаенной ненависти серой, безликой трудовой массы. Этот эмоциональный итог заставляет ошеломленного читателя заняться простой арифметикой: произведения Макарова, Авдеенко или Ясенского описывают события 1931-1932 годов, а в 1933 году была уже объявлена реализация «счастливой и зажиточной жизни», в 1934 году возведено осуществление «бесклассового общества». Спрашивается, когда же оно зародилось, как были изжиты социальные конфликты, над которыми писатели только приподняли завесу?

И немало есть советских критиков, горестно вздыхающих о временах нэпа. Вот, когда привольно и вольготно жилось критику на советской земле! Ведь тогда он должен был заботиться только о пролетарском мундире Октябрьской революции. Сейчас речь идет о более серьезных вещах: каждое произведение, посвященное большой общественной теме, вне зависимости от воли и намерений его автора, в упор ставит вопрос о правомочности существования окрепшего в итоге генеральной линии привилегированного слоя. Защитить привилегии этого господствующего слоя можно только ссылаясь на построенное «бесклассовое общество». Пропаганда «бесклассового общества» и является сейчас основным занятием официальной критики. Вот почему ее особым покровительством пользуются писатели и поэты, обретшие покой в радостях советской семьи! Советский семейный роман уже не за горами...

А наряду с прославлением «семейных добродетелей», «малых дел», «незаметных героев нашей прекрасной действительности» идет беспощадная расправа со всеми писателями, кто еще не успел остыть от революции, кому еще чудятся какие-то неизжитые конфликты. Под флагом борьбы с «недобитыми остатками Рапповского руководства» и «троцкизма» во всесоюзном масштабе идет расправа с двумя политическими течениями внутри писательской общности — с «левыми» и с «правыми». Любопытная подробность: писателей, связавших свои имена с началом генеральной линии, вычищают за «троцкизм», а неблагополучных по своим симпатиям к крестьянству, чистят по линии «бытового разложения».

Наряду с политической дискредитацией писателей, советская печать, с разрешения начальства, усиленно занялась разглашением материальных взаимоотношений писателей с государственной казной. Вчерашние «инженеры душ» ныне разоблачаются, как «литературные жучки», «литпитающиеся», «около-литературные приживальщики», выторговывавшие за свой «энтузиазм» «дачки» и «виллы» в Крыму и других благословенных местах Советского Союза. «Братья-писатели, — измывается А. Эрлих, — в вашей судьбе нет ничего рокового. Ничего, кроме этих злосчастных 12 миллионов» (которыми располагал ныне рассассированный «Лит-

фонд» — организация материальной помощи нуждающимся писателям при советском союзе писателей).

Было бы наивно думать, что «руководство» действительно решило поведи борьбу с коррупцией, пыльным цветом расцветшей в генеральную линию. «Главноразговаривающие» самокритической кампании не писатели, а именно «жучки», для которых опять настали блаженные времена: в результате шумной кампании будет произведена реорганизация коррупции и за усердие их не забудет попечительное начальство.

Тревогу внушает молчание почти всего старшего и среднего поколения писателей. Похоже на то, что прав писатель Соловьев, нечаянно выболтавший на одном из разоблачительных собраний, что среди писателей началась «забастовка души художника»...

ЗАГРАНИЦЕЙ

РСИ И ИСПАНИЯ.

Рабочий Социалистический Интернационал послал испанской социалистической партии следующую телеграмму:

С злодейским обстрелом Аламери война фашизма против республиканской Испании вступает в новую фазу. У нас никогда не было ни малейшего сомнения в том, что под знаменами изменника Франко сражаются присланные из Италии и Германии наемники, снабженные оружием всякого рода, доставленным этими фашистскими государствами. Но ныне впервые пушки обстреливают беззащитное гражданское население Испании открыто и бесстыдно под знаменем гитлеровской империи. Рабочие всех стран вместе с вами оплакивают жертвы этого нападения, но они уверены, что именно это циничное саморазоблачение фашизма должно взбудоражить общественное мнение всего мира. Рабочий Социалистический Интернационал будет делать все, что в его силах, чтобы прийти на помощь защитникам испанской свободы и независимости. Ваше сообщение об осуждении Корунским трибуналом мятежников на смерть социалистического депутата Луи Руфиланчас и пятнадцати других товарищей, мы передали примыкающим к нам партиям, призывая их к протесту против задуманной массовой бойни, и просим вас возможно скорее сообщить нам дальнейшие подробности.

За РСИ: Де Брукэр, председ., Адлер, секретарь.

Брюссельская организация Бельгийской Рабочей Партии организовала совместно с брюссельской организацией Бельгийской Коммунистической Партии испанскую **неделю солидарности** с митингами, докладами, выставкой и денежными сборами. Лозунги недели: протест против фашистского нападения на Испанию, помощь испанским республиканцам и требование пересмотра политики невмешательства демократическими правительствами. В числе ораторов недели выступает со стороны социалистов т. Эмиль Вандервельде.

На заседании **парижского с.-д. клуба имени Мартова** 25-го мая было собрано в помощь борцам и детям Бильбао 313 фр.

ВЫБОРЫ В ГОЛЛАНДИИ.

Мы не избалованы успехами. Поэтому результаты голландских выборов, состоявшихся 26-го мая, будут встречены всеми социалистами с огромным удовлетворением. Основное значение этих выборов — поражение фашизма. «Национал-социалистическое движение», так называется в Голландии фашистская партия, выступило в первый раз на избирательную арену в 1935 г. при выборах органов областного самоуправления. Оно получило тогда около 8% всех поданных голосов. 26-го же мая оно сумело собрать лишь 4,2%. Голландские н.-с. рассчитывали, во всяком случае, вырасти по

сравнению с 1935 г. Тем более глубоко было их разочарование. На другой день после выборов н.-с. орган писал: голландский народ еще не проснулся. Ни заявления о том, что «в изоляции наша сила», ни дешевое самоутешение, что поражение не есть разгром, не могут скрыть смущения, овладевшего голландскими учениками Гитлера. Фашизм нуждается в головокружительных успехах, иначе он выдыхается. А тут на него обрушивается удар за ударом. Провал Свинхувуда в Финляндии, поражение Дегреля в Бельгии и наконец голландские выборы.

Потеря н.-с. почти половины голосов объясняется в значительной степени хозяйственным оживлением в стране, вызванным девальвацией гульдена, проведенной осенью прошлого года. Это оживление пошло на пользу правительственной коалиции, правящей Голландией в течение последних 4-х лет. В частности, оно чрезвычайно укрепило престиж председателя совета министров, Колейна. Близок к истине влиятельный буржуазный орган, Ниве Роттердамсе Курант, когда он озаглавил статью, посвященную оценке выборов: Руководитель кабинета победил. Но как раз эта-то победа и есть «узкое место» выборов 26-го мая.

Существующее правительство чрезвычайно умеренно. Оно опирается между прочим и на элементы, ни в какой мере не являющиеся демократическими. В случае каких-либо затруднений оно будет искать поддержки справа и тем самым может создать обстановку, благоприятную для нового роста фашизма. С другой стороны, оно слишком консервативно, чтобы пойти на смелые реформы. В случае новых хозяйственных заминок массы недовольных опять останутся без политического пристанища и легко могут стать жертвой фашистской демагогии. Тут перед социал-демократией встает огромная задача: подготовиться к роли резервуара, вбирающего всех тех, кто неизбежно разочаруется в государственной мудрости буржуазно-клерикального блока и почувствует необходимость коренных изменений в структуре господствующего хозяйственного и общественного строя.

До сих пор все усилия с.-д. партии были направлены на создание коалиционного кабинета при участии с.-д. партии. Резкая борьба против коммунистов, проведение знака равенства между «диктатурой слева» и «диктатурой справа», решительный отказ от политики единого фронта — объясняются преимущественно ориентацией на коалицию. Если учесть, что католическая партия вместе с с.-д. обладала в распущенной палате половиной, а во вновь избранной — 54 из 100 мандатов, то приходится признать, что абстрактно подобная ориентация не лишена политического смысла. Социал-демократы надеялись, что, добившись на выборах больших успехов, они заставят католиков и прогрессивные либеральные группы отказаться от поддержки нынешнего кабинета, возглавляемого Колейном, и толкнут их в сторону сотрудничества с партией рабочего класса.

С.-д. имела все основания рассчитывать на сильный рост числа избирателей. Она выступала застрельщицей в борьбе против политики дефляции, жестоко проводившейся Колейном. В самый разгар этой борьбы с.-д. разработала так наз. план труда, родственный по своему замыслу бельгийскому плану Де-Мана. Она пошла еще дальше и отказалась на своем последнем съезде в Гааге (27 февраля-1 марта) от традиционной идеи одностороннего разоружения, став на точку зрения необходимости создания вооруженной силы, способной выполнять обязательства, вытекающие из устава Лиги Наций, и защищать, в случае необходимости, неприкосновенность государственной территории. Отказ от популярной в стране и в рядах партии идеи одностороннего разоружения дался с.-д. не без внутренней борьбы. Впрочем, объяснять этот отказ только интересами предстоящей избирательной кампании было бы ошибочно. Принятие новой военной программы находится в тесной связи с пересмотром всей программы в целом, имевшим место на последнем съезде и заслуживающим отдельного рассмотрения, особенно, если

учесть, что аналогичную ревизию проделали и другие партии Интернационала (напр., ППС в Польше).

Но ни план труда, ни новая военная программа не помогли партии добиться решающих успехов. Экономическое оживление, вызванное девальвацией, пошло на пользу правящей коалиции. Правда, партия сумела не только оправиться от небольшого урона, понесенного ею в 1935 г., но и несколько улучшить свое положение по сравнению с предыдущими выборами в парламент в 1933 г. Но эти изменения слишком незначительны, чтобы изменить соотношение сил в стране и сказаться на образовании правительства. В 1933 г. с.-д. собрала 798.632 голоса, в 1935 — 782.451, в 1937 г. — 890.880. В процентном отношении к числу избирателей эти цифры выражаются следующим образом: в 1933 — 21,4, в 1935 — 21, в 1937 — 21,9.

Если взять количество голосов, отданных всем рабочим партиям (т. е., кроме с.-д., коммунистам и троцкистам), то положение дел тоже осталось почти без изменений. За все три рабочих партии было подано в 1933 г. — 26,1% голосов, в 1935 г. — 25,7, а в 1937 г. — 26,5. Коммунисты собрали в 1933 г. — 118.236 гол., в 1935 г. — 127.603 и в 1938 г. — 137.070; троцкисты за те же годы получили 75.881, 51.600, 32.823.

Такая стабильность числа рабочих избирателей должна заставить голландскую с.-д. еще раз задуматься о дальнейшем направлении своей борьбы. До сих пор партии не удалось расширить сферу своего влияния на промежуточные слои. Помешать фашизму овладеть политическим разумом средних классов, направить неизбежно имеющее возникнуть недовольство последних существующим строем вещей по руслу демократического социализма — таковы актуальные задачи, стоящие перед голландской партией.

Б. С—р.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ УВОЗ В ГЕРМАНИЮ ДАНЦИГСКОГО СОЦИАЛДЕМОКРАТА.

Уже не раз общественное мнение с негодованием узнавало о тех методах, к которым прибегают данцигские национал-социалисты, чтобы добиться полного подчинения свободного города гитлеровскому режиму и Третьему Рейху. Последняя фаза этого удушения свободного города — удушения, совершающегося на глазах Лиги Наций, — характеризуется попытками гитлеровцев добиться всеми средствами устраниения и террора того большинства двух третей в данцигском парламенте, которое им нужно для изменения конституции. Такими методами репрессии они кое-каких результатов уже добились: арестами и угрозами они вынудили подать в отставку некоторых депутатов оппозиционных партий или их заместителей. Но в других случаях эти скандальные репрессии наткнулись на твердость данцигских депутатов. И гитлеровский террор пускает в ход последнее средство: физическое насилие. Вот тому пример.

25 мая утром с.-д. депутат Данцига Вихман был два раза вызван к телефону женщиной, не назвавшей своего имени. Она просила его встретиться с нею по важному делу на углу определенных улиц. Через доверенное лицо Вихман мог установить, что в указанный час на указанном месте его не ожидал никто из знакомых ему лиц. Весь день за Вихманом следили и ходили агенты политической полиции, почему, возвращаясь в 10 с пол. часов вечера с одного собрания, он просил свою жену встретить его на Оливском (пригород Данцига) вокзале. На углу улицы, на которой он живет, он был арестован агентами политической полиции, приехавшими на полицейском автомобиле и предложившими ему следовать с ними в комиссариат. В то же время на поперечной улице появился автомобиль с номером 1А 250 53 германского Рейха, которым данцигская полиция и раньше пользовалась в известных случаях и в который хотели теперь посадить Вихмана. Но Вихман отказался сесть в него, и ему удалось настоять на своем — вероятно, благодаря присутствию его жены.

Вихман уехал в автомобиле данцигской полиции, и с тех пор исчез бесследно. Его жена хотела доставить ему в полицейскую тюрьму белье и принадлежности туалета, но вещи не были приняты. Политическая полиция отказала в выдаче каких бы то ни было справок. Лишь через день, 27 мая, ей удалось добиться свидания с Классом, шефом политической полиции. Он объявил ей, что речь идет о чрезвычайно важном деле финансового характера, и что больше он сказать ей ничего не может. И действительно, на следующий день после ареста Вихмана был задержан депутат Эдуард Шмидт, которого подвергли продолжительному допросу насчет субсидий, будто бы получаемых социалдемократией из заграницы. Жена Вихмана не удовлетворялась справками, данными Классом. Она потребовала свидания с Грэнцером, шефом всей уголовной полиции и потому начальником Класса. Грэнцер ответил ей, что Вихман вовсе не находится под арестом, что немедленно после допроса, в ту же ночь, его пришлось освободить, как депутата. Наведя еще раз справки в полицейской тюрьме и доме предварительного заключения, госпожа Вихман получила ответ, что ее мужа ни там, ни тут нет. Она подала тогда заявление об исчезновении мужа, но заявление это, повидимому, не побудило полицию к розыскам; по крайней мере госпожа Вихман никакого извещения на этот счет не получила.

28 вечером варшавское радио сообщило об исчезновении депутата Вихмана после ареста. 29 вся польская пресса опубликовала аналогичное сообщение из Данцига.

До сих пор данцигский префект полиции не опроверг этих сообщений и не опубликовал о назначении дознания для розысков исчезнувшего Вихмана. Данцигские газеты не проронили ни слова об этом деле, которое скрывают от публики.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что Вихман стал жертвою нелегальной махинации и что данцигская полиция в ней участвовала. Совершенно очевидно, что он увезен в Германию. Жив-ли он еще, — это могут сказать лишь гитлеровские палачи.

Вихман, железнодорожный служащий, член профессионального союза польских железнодорожников. Он давно известен в Данциге, как активный член и депутат социалдемократической партии.

Все дело доведено до сведения Верховного Комиссара Лиги Наций в Данциге.

ИЗГНАНИЕ ТОВ. МОРГАРИ ИЗ СССР.

В течение последнего года в «Нуово Аванти», парижском органе итальянской социалистической партии, печатались корреспонденции т. Оддино Моргари, известного итальянского социалиста, из Советского Союза. Корреспонденции эти обращали на себя внимание крайне сочувственным, в некоторых отношениях, можно сказать, апологетическим отношением к современному советскому режиму.

Как сообщает тот же орган итальянских товарищей (5-го июня), тов. Моргари обратился к председателю ЦИК'а Калинин с просьбой разрешить ему остаться в Советском Союзе еще на три года для завершения работы по изучению советского режима. Но 29 мая от тов. Моргари было получено письмо, в котором он пишет, что «получил устное, но официальное извещение, что просьба моя отклонена: на деле меня из «отечества социализма» изгоняют».

Комментарии к этому сообщению для наших читателей не нужны: они и без того знали, что серьезного «изучения» своего режима, хотя бы и наиболее благожелательно predisположенными наблюдателями, Сталин не допустит и допустить не может. Он-то сам, ведь, слишком хорошо этот режим знает, чтобы сомневаться в результатах такого «изучения»!

Тов. Моргари во всяком случае должен почитать себя счастливым, что его «только» выслали, а не заточили в полит-

изолятор, где столь многие коммунистические и иные иностранные «друзья Советской России» годами заканчивают свое «изучение» сталинского режима...

К АРЕСТУ ТТ. ЕЖОВА И ЗАХАРОВОЙ.

В июньской книжке «Кампф», в заметке о «политическом кризисе» Советского Союза, тов. Отто Бауэр, отметив идущие по стране «массовые аресты и массовую ссылку старых большевиков», говорит между прочим:

«Но и на других противников диктатуры обрушивается ныне усиленный террор. Мужчин и женщин, не выходящих за последние пятнадцать лет из тюрем и ссылки, как, напр., меньшевика Ежова и меньшевичку Захарову, арестовывают в глухих местах ссылки, где они находятся, и бросают в тюрьмы. Ежов, брат Мартова, и Захарова были инициаторами известной телеграфной манифестации русских меньшевиков за единый фронт пролетариата, — манифестации, которая произвела такое сильное впечатление именно потому, что она шла из тюрем и ссылки!»

От редакции. — По получаемым нами сведениям аресты распространяются на все более широкий круг социалдемократов-меньшевиков. Подготовка «демократии по сталински» идет на всех парах...

В ЗАЩИТУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР.

Издательница «Ла Фамм Сосналист» (Женщина-социалистка), т. Луиза Сомоно, неутомимая и страстная поборница дела мира, свободы и социализма, сообщает, что выпустит в июне специальный номер своего органа, посвященный защите политических пленников Сталина и, в частности, требованию свободы для нашего товарища Евы Бройдо.

В только что вышедшем № 170 журнала т. Сомоно приводит текст резолюции, принятой женскою социалистическою секцией в Рубэ и гласящей, что

«обсудив вопрос о политических заключенных, секция шлет свой братский привет товарищам-социалистам, заключенным в советских концентрационных лагерях.

Именем человечности и социализма она требует освобождения из большевистских застенков всех жертв, единственное преступление которых заключается в том, что они думают иначе, чем Сталин, и постановляет вести необходимую пропаганду, чтобы добиться их освобождения и организовать сбор подписей под актом протеста».

28 апреля текст этой резолюции был принят Федеральным Женским Комитетом всего Северного департамента.

В том же номере помещена выдержка из статьи т. Эмильены Тюрпэн, напечатанной в «Ла Вуа Сосналист» (Голос Социалиста), органе социалистической организации Нижне-Шарантского департамента. Статья посвящена протесту против политических преследований в СССР и в заключение говорит:

«Я не могу кончить, не крикнув: на помощь Еве Бройдо, нашему дорогому секретарю Женского Социалистического Интернационала, которая, проведя часть своей жизни в царских тюрьмах, вынуждена теперь влачить свои дни в сибирской изоляции! В чем ее преступление? Лишь в том, что всю свою жизнь она отдала борьбе за свободную мысль, за мир и за свободу. Заточенная в тюрьму, она, сколько мне известно, не могла ни убивать Кирова, ни покушаться на жизнь гениального вождя, — как впрочем и столь многие другие сотоварищи ее по мукам... Дорогая Сомоно, вы отдайте свои последние силы делу освобождения этих жертв угнетения, и мы вместе с Вами изо всех наших сил зовем: на борьбу со всеми тираниями!»

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!**

АРЕСТ АГЕНТА ГЕСТАПО.

Цюрихский «Фольксрехт», официальный орган швейцарской социалдемократической партии, сообщает в номере от 18 мая, что 7 мая был арестован в Цюрихе Ганс Аданк. Два года тому назад Аданк был уволен из секретариата РСИ, в котором служил с 1925 года, выполняя технические и экспедиционные работы. Причиной увольнения послужили раскрытые в мае 1935 года злоупотребления, которые Аданк в течение ряда лет практиковал с находившимися в его распоряжении суммами на почтовые расходы. В виду того, что Аданк возместил все причиненные им убытки, и принимая во внимание его многолетнюю службу, никаких дальнейших мер против него принято не было. После своего увольнения Аданк, как швейцарский гражданин, вернулся из Брюсселя в Цюрих.

Теперь Аданка обвиняют в том, что он — повидимому, из мести за увольнение — продался Гестапо. Подробности о его предательской деятельности еще неизвестны, но Аданк имел много связей с германскими эмигрантами и потому мог причинить немало вреда.

Цюрихский «Фольксрехт» пишет, что об аресте Аданка он был осведомлен сейчас-же, но считал более правильным не торопиться с опубликованием, чтобы не затруднять работы следственных органов и не спугивать преждевременно возможных инициаторов и пособников предательства Аданка.

Аданк был видным деятелем рабочего спортивного движения. Лишь только стала известна причина его ареста, Цюрихская организация социалдемократии исключила его из партии.

ПО РОССИИ

ЧТО ПРОИСХОДИТ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

От редакции. — Мы даем здесь перевод крайне интересной «беседы», появившейся в нью-Йоркском «Форвертс». Интерес ее заключается, главным образом, в том, что она дает живую и конкретную иллюстрацию «в лицах» тех социально-политических процессов и сдвигов, которые совершаются ныне в Советском Союзе и анализу которых наш орган отводит так много места за последний год. Напомним, что «беседы» велись, очевидно, месяца полтора-два тому назад.

Приводим ниже беседу с тремя лицами, живущими в Советской России. Первое лицо — это беспартийный инженер, называющий себя «беспартийным большевиком». Подчеркнем, что свое политическое развитие этот человек получил при советской власти и в смысле духовном является ее полным детищем. Второе лицо можно назвать «старым большевиком». Термин, говорящий не столько о летах, сколько о том, что данное лицо, правда, будучи очень молодым человеком, состояло в большевистской организации еще до революции. Наконец, третье лицо назовем «посторонним наблюдателем». Он находится вне борьбы, происходящей в стране, вне ее страстей и страхов. Скрестив руки на груди, он стоит в тени и внимательно наблюдает. Вероятно, подобная позиция и дала ему возможность проследить появление в советской жизни **новой силы**, которой он предвещает в ближайшем будущем огромную и решающую роль.

Беседы мы даем в **таком виде**, в каком они до нас дошли. Ценность этих бесед в том, что каждая из них дает какой-то кусочек истины, бросает свет на общественную психологию. Грандиозная таинственная проблема — что происходит в Советской России? в этих беседах, разумеется, не получает своего полного освещения, да кто его и рискнет теперь дать! Но какие-то грани ее, какие-то стороны, все-таки проясняются... Кроме того, беседы крайне любопытны сами по себе. Любопытен этот тип «беспартийного большевика» (подчеркивающего, что он «не занимается политикой»), который стоит за Сталина и приветствует уничтожение коммунизма. В беседе со «старым большевиком» привлекает внимание, во-первых, ужасающая растерянность, повидимому, охватившая всех старых большевиков в СССР и, во-вторых, — особые причины увольнения — если только они верны, Ягоды — всемогущего начальника ГПУ.

Начнем с беседы с беспартийным большевиком, он инженер.

♦♦

Мы спросили его:

— Скажите, что происходит в Советской России? Эти странные процессы, эти безжалостные расстрелы, эти развенчивание тех, кто вчера еще правил страной — не говорит ли о том, что страна катится куда-то, а сама не знает куда?

— Вот вы говорите, безжалостные расстрелы, но за себя и за десятки миллионов могу искренно сказать, что нам ни капельки не жалко ни Мураловых, ни Смирновых, ни Радеков, ни Пятаковых, ни Каменевых, ни Зиновьевых. 15 лет подряд эти люди нас не жалели. Скажите, пожалуйста, почему нам их жалеть? Находясь у власти, каждый из них пыкал нами, не считался ни с нашей личностью, ни с нашими интересами. В том, что происходит сейчас, все идет как нельзя более нормально. Все дело в том, что и коммунизм, и коммунистическая партия с ее попами и дьяконами в виде старых большевиков изжила себя и теперь стала не нужна. За это время родилось новое хозяйство, новые люди, новая психология, которые ничего общего не имеют с теориями, которые проповедывали попы коммунизма. Народились новые руководящие идеи и среди них первейшая и руководящая: идея родины, патриотизм, чувство национальной гордости, национального блага. Мы, русские, прежде не знали, что такое любовь к своей стране. Мы все были антипатриотами. Когда кто прежде говорил «русский» или «русское» — значит это было нечто ничтожное, куда не годное. Мы так привыкли к этому, что сами поверили, что ни на что не годны. Теперь же у нас ясное сознание, что мы народ способный, у нас теперь есть крепкая идея — идея национального государства. Появились люди, способные творить жизнь во имя национального интереса, а когда говорим национальное то понимаем и **бесклассовое**. При этих условиях, спрашивается, зачем нам коммунизм с его **классовой борьбой и прочими глупостями**? Коммунизм у нас поблек, а идея национальности зацвела. А это закон — сильная идея всегда вытесняет слабую и умирающую. Ну, а если коммунизм, как идея, умирает, то должны исчезнуть и те, кто эту идею исповедует, находятся вне жизни, и от них нужно поскорее освободиться. Пинок в зад — уходите скорее!

— В таком случае, вы приветствуете кампанию, которую ведет Сталин против старых большевиков, против Троцкого и троцкистов?

— Конечно, аплодирую от всего сердца. Под флагом борьбы против троцкизма и Троцкого идет борьба собственно **против коммунизма**, как теории, как мировоззрения. И потому миллионы людей в России за Сталина. Он ведет чистку страны от никому больше ненужных, устарелых идей и державшихся за них людей. Коммунисты это понимают. Он их за жабры взял, и они бешено, жгуче ненавидят Сталина. Они борются за устарелые идеи и за свои привилегии. Они коммунисты-реакционеры. Если-бы могли, они давно бы убили Сталина. Они могли это сделать много раз. И если все их покушения на Сталина не удаются, то потому, что они трусят их сделать. Они стали трусами. Коммунисты просто боятся застрелить Сталина, ибо прекрасно знают, что мы беспартийные большевики на следующий день после убийства Сталина сделаем «товарищам коммунистам» такой погром, что придется тысячами считать разбитые головы.

— Итак, в борьбе Сталина против троцкизма вы видите борьбу национальной идеи против идеи интернационального коммунизма?

— Да, конечно. Многие этого не видят, не понимают, но в глубине души инстинктивно чувствуют и потому когда происходят процессы против троцкистов, у нас никакой жалости к ним нет.

— Не находите-ли вы, что в процессе своего возвышения, своей борьбы с вчерашними товарищами, Сталин превратился в самодержавного царя?

— На этот вопрос я не могу ответить... Я политикой не занимаюсь...

— Вы сказали, что коммунизм умирает и от него нужно теперь поскорее освободиться. Значит-ли это, что нужно восстановить капитализм, уничтожить колхозы, восстановить частную собственность на фабрики, заводы?

— О, нет, ничего подобного! Фабрики, заводы стали национальным достоянием, нет среди нас людей, которые мечтали-бы их сделать частным владением. Это в корне **противоречит идее того нового национализма**, который развился у нас за все эти годы. Конечно, в дальнейшем будет видно, что нужно изменить в хозяйстве нашей страны, но национализация останется основой нашего хозяйства навеки. Когда-то, в 20-ом году, ходил лозунг: да здравствует советская власть без коммунистов. В сущности, мы теперь к тому же самому пришли. Нужно сохранить все хозяйственные основы заново построенной жизни, а от коммунизма **избавиться. Идею партии нужно уничтожить, идею классовой борьбы уничтожить**, все эти устарелые теории, призывавшие к классовой борьбе и господству партии выжечь **каленным железом из мозга людей**. Нужно поставить вместо этого мысль о на-

ции, интерес нации, без всякого деления на классы. Вся страна к этому сознательно или бессознательно тяготеет, ну, а если так, то старому коммунизму нет больше места. Это дохлая кошка — она только воздух портит.

✱

Вторая беседа — со старым большевиком. Ему предлагается тот-же вопрос:

— Объясните, что происходит в стране?

— Со ступеньки на ступеньку, уничтожая все принципы внутрипартийной демократии, мы докатились до бездны. Мы, старые большевики, теперь находимся в положении людей, которые осажены врагами. Чем старше человек, чем больше он имел в прошлом революционных заслуг, тем он становится в глазах Сталина подозрительнее. Все сильнее Сталин стремится от него избавиться. Под предлогом политической и моральной чистки партии, Сталин ее убивает. Он крушит середину партии, якобы за то, что она «болотоз», дающее негодных администраторов и подхалимов. Он убивает правую часть партии Бухарина, Рыкова и Томского под предлогом, что они правые. Он уничтожает левое крыло партии под предлогом, что они связаны с троцкистами, якобы, в свою очередь, связанными с фашистами Германии. Получается в итоге, что Сталин уничтожает центр партии, и правое крыло, и левое... Что же тогда остается от партии? Ничего, кроме одного Сталина. Сталин уничтожает партию, и в то же время вопит о ее возрождении и усилении. Когда внимательно следяшь изо дня в день за его делами, за оплевыванием того, что вчера считалось истиной, все чаще и чаще спрашиваешь себя, не правы ли те, кто утверждают, что Сталин болен, что он просто сумасшедший? Множество фактов свидетельствуют, что его мания величия, подозрительность, ненависть ко всем, кто не признает его величайшим гением человечества, перешли все границы возможного, стали ненормальными. Тут все признаки психической болезни. Слухи о том в первый раз настойчиво поползли в мае 1936 г. Заметьте, догадку и даже убеждение, что Сталин психически болен, разделяют лица очень к нему близкие. Но, разумеется, из страха за свою жизнь никто из них об этом открыто сказать не смеет. Каждый день большой мозг Сталина приготавливает сюрпризы. Ни логики, ни смысла, ни последовательности, ни ясной цели в его актах нет. Сегодня одно, завтра другое. Никто не может теперь поручиться за завтрашний день. Если вы скажете мне, что завтра Сталин разрешит большие религиозные процессии на улицах Москвы, на Красной площади, я поверю. Но если вы мне скажете, что, разрешив их, он велит потом расстрелять их из пулеметов, я и этому поверю. Мы вошли в полосу невероятных сюрпризов. Все стало возможным. И мое мнение таково: или Сталиным направляет какая-то темная сила, о которой он сам не ведает, или он просто сумасшедший.

— Но как объяснить тогда, что борющиеся против Сталина старые большевики даже перед смертью воссылают ему хвалу, признают, что Сталин абсолютно прав, а — они подлены, отбросы, изменники революции, предатели родины?

— Их убедили, что признание спасет им жизнь. Им сказали, что для виду их присудят к смертной казни, но Центральный Исполнительный Комитет через 24 часа заменит решение суда 10 годами тюрьмы и что, отбыв некоторое время в тюрьме, они, как покаившиеся, будут амнистированы совсем. А после этого произошло вот что. Ягода, который тогда еще был председателем ГПУ, чтобы сделать удовольствие Сталину, не дожидаясь решения Центрального Исполнительного Комитета, велел их всех расстрелять через два часа после суда...

— Расстрел Каменева, Зиновьева, Смирнова и др. произвел на верхах ошеломляющее впечатление, а в особенности в некоторых кругах Коминтерна. Расстрелянные ведь были вождами революции, сподвижниками Ленина. По адресу Ягоды посыпались тучи упреков. Сталин внутренне, конечно, одобрил Ягodu: Каменев и Зиновьев были ведь врагами Сталина, а этого он не прощает. Но чтобы показать, что он не одобряет самоволья Ягоды, приказал в наказание перевести с поста начальника ГПУ на скромный пост комиссара почт, вместо Рыкова...

— На пост Ягоды посажен Ежов, все эти годы сидевший в Центральном Комитете Партии и выполнявший, все секретные поручения Сталина. Теперь за шкуру Ягоды я дорого не дам! Ягода в ГПУ был нужен Сталину: во-первых, потому, что он выполнял грязно-кровавые поручения, во-вторых, пугал Сталина готовящимися на него покушениями, которые-де Ягода «своевременно» раскрывал. Ягода знает слишком многое, что не должна узнать история. Очень сомневаюсь, дадут ли ему еще долго прожить.

✱

В заключение, третья беседа с «посторонним наблюдателем»... Его мнение отличается от первых двух уже тем, что в то время как в них центральной фигурой является Сталин, в ней роль Сталина меркнет и ступеньвается перед новой, восходящей силой. Мы сейчас увидим, какую.

— Характерная черта, говорит «посторонний наблюдатель», советской жизни — это полное отсутствие в ней каких-либо организованных общественных сил или политических организаций. Существует всемогущий Кремль, всем самодержавно управляющий, а вне его общественная пустота. Мертвы и лишены жизни профессиональные союзы, где вся жизнь заключается в получении чиновниками обязательных взносов с рабочих. Абсолютно мертва коммунистическая партия, окончательно скомпрометированная перед населением последними процессами, на которых виднейшие коммунисты, спутники Ленина, предстали как фашисты и предатели страны. Уже давно гниет на корню могущественная организация ГПУ и удаление из нее Ягоды, со всем тем, что за этим обваружится, еще более ускорит разложение ГПУ.

Мертвы местные советы, их авторитет падает в той-же мере, в какой падает авторитет коммунистической партии, органом которой они являлись.

Вот на каком фоне появляется в СССР новая сила — армия. В настоящее время армия является в СССР единственной организованной силой, морально и политически нескомпрометированной. В условиях международной обстановки, в виду опасности войны с Японией и Германией, она с каждым днем укрепляет свой авторитет. В странах демократических армия не играет политической никакой роли, напр., она не играет никакой роли в политической жизни Англии, Франции, Голландии, Америки и Скандинавских стран. Наоборот, в странах лишенных демократии, демократических учреждений и свобод, где именно поэтому и невозможны никакие политические и общественные организации, там армия всегда играет огромную роль. Вспомните Грецию, Болгарию, Турцию, где революции и перевороты производились и производятся армией. Очень характерен также факт, что в Польше и Японии вся политическая энергия сосредоточена в военных организациях. Также и в Германии армия является сейчас единственной политически и технически организованной силой. Гитлер стал пленником армии. Против нее он бессилен.

К такому же положению идет и СССР. Я не скажу, что уже сейчас Сталин пленник армии, но одно только ясно: останется ли диктатором Сталин или будет вместо него кто-либо другой, в довольно скором времени политическое руководство страны фактически перейдет к армии, как в Германии, как в Польше, как в Японии. Это неизбежно. Из этого положения — только два выхода: или энергичное строительство демократических учреждений, способных управлять страной, или управление страной должно перейти к армии. Диктатура Сталина опиралась до сих пор на партию и ГПУ, но обе эти основы сгнили. Ему остается опереться или на народ (что он отчасти пробует делать) или на армию. Советская армия в настоящее время политикой открыто не за-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках ГАШЕТТ:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ: ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

нимается. Хочет-ли того советская армия или нет, в скором времени она неизбежно втянется в политику, будет делать ее сначала за спиной Кремля, т. е. тайно, а потом открыто. В конце концов поведение Кремля будет диктоваться требованиями армии. Можно уже сейчас указать на десятки важнейших законов и постановлений, продиктованных целиком военными соображениями и рассчитанных на укрепление армии и выполнение ее требований. Растущее политическое значение армии находит себе выражение в том факте, что второй по значению фигурой в стране рядом со Сталиным является Ворошилов, командир советской армии. За последнее время перед ним отступили на задний план и Молотов, председатель Совета народных комиссаров, и Каганович, которого еще недавно все считали правой рукой Сталина. Сам по себе Ворошилов ничего не представляет. Это фигура очень слабая, с которой до сих пор никто серьезно не считался. Однако, то обстоятельство, что за его спиной формируется новая огромная политическая сила — армия, придает ему необычайно важное значение. Сталин, если и не понимает этого умом, то ощущает это. Он боится Ворошилова своим необычайно сильным, почти звериным чутьем. Можно даже сказать, что единственный человек, которого он боится — Ворошилов. Это обнаружилось еще два года тому назад, когда речь зашла о введении чина маршала. Такое высшее отличие должен был получить по первоначальному проекту только один Ворошилов, но Сталин немедленно почувствовал, что в силу этого личность Ворошилова станет в особом ореоле и будет слишком выдвинута вперед, и под разными предлогами настоял дать чин маршала и Егорову, и Тухачевскому, и Блюхеру, что далеко не было по вкусу Ворошилову.

В настоящее время трудно еще сказать, какой политический и социальный отпечаток наложит на страну новая сила — армия. По всем признакам нужно думать, что она придаст еще больший национально-русский характер советской стране, но какие изменения внесет ее влияние в другие области и особенно в экономику — неясно. В армии эти вопросы пока

не стоят, ее внимание притягивается вопросами национального престижа и военной техники. Одно только бесспорно: личная диктатура Сталина в СССР переживает сейчас кризис. Об этом говорят последние процессы, интриги, заговоры, разложение коммунистической партии, гнание ГПУ. Какой-нибудь дворцовый переворот в Кремле мог бы при этих условиях привести к ужасной анархии, кровавому хаосу внутри страны. Что бы ни произошло в Кремле — анархии, хаоса, беспорядков армия — эта новая организованная сила — не допустит.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Экон. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. № 135. Апрель-май 1937 г.

Вістник Української Громади у Франції. № 61.

American Socialist Monthly, Vol. 6, Nr. 1. May 1937.

Nouvelles d'URSS. Bulletin d'information. Supplément de la Revue communiste «Que faire?» N° 12.

La Révolution prolétarienne. N° 247.

Neuer Weg, Nr 2. Mitte Mai 1937.

Arbeiter Zeitung, Nr 11.

Bulletin of the International Institute for social History Amsterdam. 1937 Nr. 2.

Der Kampf, Nr. 6. Juni 1937.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: —

Отослано: № № 13 и 14.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1937 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(17-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

Абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Idée et Action» — на полгода.

Одну из следующих книг:

1) Otto Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen, 1936.
2) Léon Blum. La réforme gouvernementale, 1936.
3) A. Gide. Retour de l'U.R.S.S. 1936.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно